

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора психологических наук, профессора, профессора кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова» - Смирнова Сергея Дмитриевича - о диссертации Гусельцевой Марины Сергеевны «Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания», представленной на соискание ученой степени доктора психологических наук по специальности 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии

Диссертация Гусельцевой М.С. представляет собой фундаментальное и масштабное теоретико-методологическое исследование эволюции психологического знания в его гуманитарных аспектах. Уникальность исследования в значительной степени определяется тем, что оно не только не ограничивается рамками самой психологической науки, но прямо нацелено на создание концептуального поля трансдисциплинарного дискурса для научного освоения и интеграции психологического знания, добытого не только в философии (что всегда было свойственно психологии), но и в широких границах смежных наук и социогуманитарного знания в целом. Автор показывает, что эту задачу можно решить только на стыке психологического и историко-культурного познания, т.е. с использованием культурно-исторической эпистемологии в качестве общегуманитарной исследовательской программы. Методологическим инструментом для решения сформулированных задач вступил разрабатываемый автором «культурно-аналитический подход», где термин «аналитический» берется в герменевтической традиции, согласно которой анализ не просто разбиение целого на части, но, прежде всего, толкование, поиск смыслов, понимание. Такое использование этого термина, не совпадает с доминирующей традицией, но ситуацию облегчает то, что автор с самого начала оговаривает эту особенность словоупотребления. В качестве рабочего понятия, позволяющего построить схему эволюции психологического знания, культура рассматривается как «совокупность материальных и духовных достижений человечества или нации в определенный исторический период времени».

Рассматривая культурно-аналитический подход как таковой (*per se*) автор привязывает его ко второму и третьему уровню известной четырехуровневой схемы методологического знания, а именно, к уровням общенаучной и конкретно-научной методологии, размещая культурно-историческую эпистемологию на двух верхних уровнях (философского и общенаучного знания). На уровнях конкретно-научного знания и инструментального (методик и техник исследования) располагается культурно-психологический анализ и синтез. Объединение этих уровней (под эгидой культурно-исторической эпистемологии) дают автору основания говорить о новой парадигме в психологии, позволяющей осуществлять межуровневую «трансляцию», «методологический перевод» философского и социогуманитарного дискурса на концептуальный язык психологической

науки». Но, строго говоря, претензии на построение новой парадигмы в психологии пока можно считать только заявкой, поскольку именно нижние (конкретно-научный и особенно инструментальный) уровни выглядят в данной работе менее проработанными, хотя и претендующими на признание в качестве «нового образца» психологического знания. Но перспективы движения в этом направлении представляются весьма многообещающими. Вместе с тем автор полагает, что культурно-аналитический подход способен решить задачи полипарадигмального синтеза.

М.С. Гусельцева справедливо начинает движение к обоснованию и детализации культурно-аналитического подхода с анализа центрального для всякого научного познания понятия - познавательной ситуации. Она прослеживает тенденции в изменении познавательной ситуации в истории науки (и, разумеется, культуры); особенно детально на рубеже XIX и XX вв., а также XX и XXI вв. Последнее связано с тем, что «культурно-аналитический подход, по мнению автора, рождается дважды – на рассвете XX в. как интеллектуальная традиция в работах отечественных гуманитариев и на закате XX в. в качестве современной методологии, претендующей на парадигмальный анализ и синтез» [с. 405]. Все составляющие познавательной ситуации в определении Э.Г. Юдина претерпели радикальные изменения и наиболее драматические как раз в XX в. и именно в области социо-гуманитарных наук – предмет исследования, требования к продукту, средства организации и реализации исследования (прежде всего методологические). Усложнение мира (его растущая неоднозначность, противоречивость, неопределенность, «текучесть» и т. д.), движение от замкнутых дисциплинарных миров к открытому междисциплинарному пространству привели к появлению трансдисциплинарности, постнеклассическому идеалу рациональности, культурно-исторической эпистемологии и «антропологическим поворотам», полипарадигмальности науки, сетевому принципу организации знания и т.п.

Современная познавательная ситуация, по мнению автора, создает для историко-методологического исследования два глобальных вызова: проблему синтеза - поиск оснований для интеграции разнообразия психологического знания; и проблему преемственности - конструктивный диалог прошлого и настоящего психологии. Глобального подхода, решающего задачи синтеза знания, эффективно интегрирующего классическое наследие в современность и осуществляющего методологический перевод общенаучных идей на язык психологических понятий, до сих пор не было предложено. В данной работе культурно-аналитический подход в психологии выступил интегрирующей рамкой, в которой заработали методологические инструменты для анализа истории психологической науки (возникшие как внутри психологии, так и в смежных науках, в философии и социогуманитарном знании). Выигрышность культурно-аналитического подхода проявляется в том, что он фокусирует переход методологических конструктов из одних тематических полей в другие. Например, культурно-деятельностная эпистемология в

работе показана как определенная эпистемологическая традиция, которая имела латентное развитие в истории психологии и истории смежных наук.

Культурно-аналитический подход небезуспешно пытается выступить методологическим ориентиром для решения проблемы связи психики с практикой через культуру. Перечисляя в конце первой главы диссертации основные положения и принципы культурно-аналитического подхода, М.С. Гусельцева не включает в обширный перечень принципов «принцип неопределенности», занимающий важное место в понимании неклассического и постнеклассического идеалов рациональности на современной стадии развития науки. Возможно это связано со спецификой материала, на котором сделана диссертация, а именно спецификой гуманитарного знания, в котором неопределенность как бы растворена (скорее даже гуманитарное знание растворено в море неопределенности) и на первый план выступает именно задача построения островков определенности, твердых опор и реперных точек для его описания и выявления более или менее определенных закономерностей. Поэтому опасности, прививкой от которых призван послужить принцип неопределенности, в меньшей степени присущи знанию гуманитарному.

Материалы второй главы автор справедливо называет историко-методологическим исследованием, развернутым на эмпирической базе истории психологии, как она представлена, прежде всего, в трудах наиболее известных отечественных специалистов в этой области. Три модели знания – классическое, неклассическое и постнеклассическое – представлены в диахроническом (эволюционном – вертикальные связи) и синхроническом (современном – горизонтальные связи) планах. Таким образом была построена новая весьма объемная периодизация развития психологии, с учетом контекста как истории науки, так и истории культуры. В ее основу положено сразу несколько параметров: общая модель развития науки; смена типов рациональности и парадигм; динамика идей внутри парадигм и психологических школ; анализ культурно-исторического контекста, способствующий выявлению национальных традиций и стилей научного мышления. Можно согласиться с мнением автора, что такая периодизация имеет важное эпистемологическое значение, поскольку она репрезентирует эволюцию психологического знания в качестве целостной и динамичной картины, объединившей общую логику развития науки и специфику эволюции психологии, в ее макро- и микроистории. Эволюция психологического знания изучалась здесь как вплетенная в социокультурную ситуацию развития науки в целом и с учетом специфики конкретной исторической эпохи. Это было обеспечено дополнительным анализом интеллектуальных исследовательских традиций, которые на классическом этапе эволюции психологического знания складывались как национальные (английская, французская, немецкая и др.), но стали смешиваться на неклассическом этапе эволюции, оставляя возможность проследить их преемственность. На постнеклассическом этапе развития науки на передний план анализа выступили идеи глобализации и транснациональности знания.

Совмещая анализ типов рациональности и исследовательских традиций, М.С. Гусельцева предприняла, на мой взгляд, эвристический ход, выделив на каждом историческом этапе развития идеалов научной рациональности (классическом, неклассическом и постнеклассическом) подэтапы смены исследовательских традиций - классической или канонической; неоклассической или критической; постнеоклассической или синтетической. Это позволило нарисовать более объемную или стереоскопическую картину эволюции психологического знания. Некоторые детали построенной периодизации могут показаться дискуссионными (например, отнесение концепции Дж. Уотсона к неклассическому типу рациональности, сближение подхода Юнга с постнеклассическими подходами или однозначное отнесение концепции В.А. Роменца к разряду постнеклассических при том, что он принципиально стоит на монистической позиции). Но в целом периодизация психологического знания, построенная на основе культурно-аналитического подхода, дает богатую пищу для размышлений и построения новых исследовательских программ в области истории психологии и ее современного состояния.

Важно отметить, что в рамках культурно-аналитического подхода сохраняется бережное отношение к классике и внимание уделяется не только потерянным (рассеянными в междисциплинарных полях знания) и забытым линиями психологии. Например, позитивизм не отвергается автором, а предстает как мыслительная культура. Он тоже эволюционирует и приходит к осознанию значимости факторов культуры; и это обогащает и гуманитарное знание, и позитивизм.

В третьей главе дается анализ отечественного культурно-исторического знания, выделяются его специфические черты сквозь призму отечественной интеллектуальной традиции. Магистральная линия движения – от психологического знания к психологической науке. Автор исходит из положения, что «гуманитарные аспекты эволюции психологического знания на классическом и неклассическом этапах развития науки оказались тесно переплетены со становлением отечественной гуманитаристики», поэтому основной массив очень объемной третьей главы составляют плодотворные усилия автора по реконструкции идей культурно-исторической эпистемологии в наследии Д.Н. Овсяннико-Куликовского, Г.О. Винокура, отечественных историков, социологов, этнографов и, прежде всего, в наследии Государственной академии художественных наук (ГАХН). Объем и значимость этой работы трудно переоценить. На всех этапах анализа автор чутко отслеживает влияние социокультурной, и шире, политико-идеологической обстановки в стране на зарождение и судьбу культурно-исторических идей и даже их создателей.

При знакомстве с результатами такой работы возникает полуметафорическая аналогия эксплицируемого автором из той или иной гуманитарной науки психологического и методологического знания с работой по экспликации личностного знания в терминах М. Полани. Только носителем этого знания выступает не столько отдельная личность (индивид),

а коллективный субъект – научное сообщество профессионалов в той или иной области науки. Такое знание занимает промежуточное положение между собственно научным (объективированным, концептуализированным, артикулированным, отрефлексированным и т.д.) знанием и знанием личностным (неявным, скрытым, неотрефлексиованным, неконцептуализированным, имплицитным, нечетким, субъективным, неосознанным и т.д.). К личностному знанию относятся вера, страстность, эмоции (особенно чувство прекрасного), искусство измерения, экспериментирования, сноровка в той или иной сфере научной деятельности и т.п. (как много здесь психологии!). Но если личностное знание может транслироваться, прежде всего, не через тексты, а путем непосредственной демонстрации, подражания, прямого заимствования в ходе совместной деятельности и непосредственного лицом к лицу общения (по М. Полани), то, условно говоря, коллективное личностное знание того или иного научного сообщества может транслироваться в ходе конструирования совместного предмета исследования. При этом речь идет не о работе психолога и, например, историка, а о работе психолога как историка или историка как психолога, психолога как филолога и т. п. Именно это имеет в виду М.С. Гусельцева (с моей точки зрения), когда говорит не об исследовательском поле психологии и истории, а психологии как истории, психологии как антропологии; и именно такую работу проделывает автор диссертации и обеспечивает тем самым трансляцию наработанного в гуманитаристике психологического знания в психологию как таковую.

С другой стороны, диссертация М.С. Гусельцевой помогает увидеть отражение психологического познания в смежных науках и тем самым усилить психологию за счёт построения ее междисциплинарных областей, однако это не просто синтез, а трансдисциплинарный синтез. Культурно-аналитический подход подводит нас к построению в перспективе объективной психологии как проблемы субъективного познания. В частности, в рамках этого подхода раскрывается многомерность конструкта деятельности, так как он создает синтетический ракурс видения, выискивающий инварианты и варианты, как в психологии, так и в других сферах знания. Так, прослеживая развитие конструктов «деятельность» и «культура», мы видим становление общей эпистемологической традиции, поразному претворившейся в подходах М.Я. Басова, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, М.М. Рубинштейна. Таким образом, подход конструирует инвариант эпистемологической традиции, позволяющий сопоставлять вполне конкретные психологические и междисциплинарные подходы.

Давая оценку работе в целом, следует отметить убедительное обоснование автором актуальности работы и ее теоретической значимости. Фактически мы имеем дело с вкладом не только в психологическую науку, но и в общенаучную методологию (прежде всего гуманитарных исследований), в утверждение представлений о научном познании как об «изменяющемся исследовании изменяющегося человека в изменяющемся

мире» [с. 34]. Как показал Т. Кун, утверждение в науке новых парадигм и идеалов рациональности не происходит автоматически, только в силу их прогрессивности и большей объяснительной силы. Преодоление инерции старых парадигм и способов мышления требует больших усилий и можно констатировать, что работы М.С. Гусельцевой вносят существенный вклад в этот процесс. Глубокая эрудиция автора в области гуманитаристики, культурно-исторической психологии и методологии науки в целом, опора на новейшие тенденции в понимании сущности научного и, прежде всего, гуманитарного знания, обеспечили достоверность полученных результатов и обоснованность сделанных в работе выводов.

Автор очень скромно говорит о практическом значении работы, перечисляя учебные курсы, в которых материал диссертации может быть использован. На самом деле главный вклад сделан именно в исследовательскую практику: в возможность постановки новых проблем, построение новых предметов исследования, выбор адекватных им методов и средств, расширение познавательного горизонта психологической науки в целом. Это именно тот случай, когда «нет ничего практичней хорошей теории».

Новизна диссертационной работы состоит, прежде всего, в формулировании и систематической проработке нового культурно-аналитического подхода, прописанного на разных уровнях методологии науки. В этом подходе постнеклассический идеал рациональности, современная культурно-историческая эпистемология и антропологическая интеллектуальная традиция выступили в качестве теоретико-методологических источников на общенаучном уровне методологии науки, а культурно-психологический анализ и синтез послужили основой коммуникации и интеграции гуманитарных аспектов знания психологии и смежных наук на конкретно-научном уровне. Все это открыло путь к широкому использованию социогуманитарного знания в психологии и более глубокой интеграции этих областей. Предложена новая широкая схема эволюции психологического знания, в которой конкретные теории вплетены в культурный и исторический контексты, соотнесены со сменой идеалов рациональности и интеллектуальными исследовательскими традициями. Впервые раскрыты особенности становления российской интеллектуальной традиции как определяющей логику развития и интеграции гуманитарных аспектов психологического знания, в том числе на основе историографической работы самого автора, позволившей выявить и описать большой объем новых научных фактов в этой области.

Кроме сделанных в ходе обсуждения работы небольших замечаний, можно сформулировать ряд формальных претензий к тексту. Хотя работа написана хорошим русским языком, обращает на себя внимание большое количество опечаток и порой вольное словоупотребление. Вряд ли удачными можно назвать выражения типа «важная лепта» (с. 351- видимо, имелся в виду «важный вклад»), но лепта по определению нечто маленькое, не очень существенное); «довлеет к позитивизму» (с. 202); «модернизация к...» (с. 4).

Не всегда прочитывается негативный подтекст в часто используемом автором определении «пресловутый», например, «пресловутая наука». Отсутствуют названия у таблиц; в оглавление вынесена только малая часть подзаголовков, присутствующих в тексте, и это затрудняет схватывание структуры всей работы. Так из 16 подзаголовков второй главы только три вынесены в оглавление. Ситуация осложняется отсутствием цифровой рубрикации (выделение параграфов или пунктов и подпунктов, типа 1.1.2. и т.п.). Нумерацию имеют только три главы.

Видимо простой невнимательностью можно объяснить появление имени А.В. Брушлинского в числе учеников С.Л. Рубинштейна в 1945-50 гг. (с. 282), или имени В.Г. Белинского и др. в перечне типичных интеллигентов рубежа 19 и 20 вв., наряду с И.А. Буниным и Н.А. Бердяевым и др. (с. 314). Не точна привязка времени создания генетической психологии Ж. Пиаже к 60-ым годам 20 в. (с. 221). Вряд ли «культура конвейерного типа» может быть отнесена к «Новому времени» (с. 228).

Не могу согласиться с автором, что формула С.Л. Рубинштейна «Внешнее действует через внутренне» согласуется с его идеей «саморазвития и творческой деятельности, в которой рождается творец» (с. 388). Идея саморазвития скорее прочитывается в формуле А.Н. Леонтьева «Внутреннее действует через внешнее и тем самым себя изменяет». И в конце концов С.Л. Рубинштейн изменил свою позицию и изложил ее в книге «Человек и мир» следующими словами: «При этом, строго говоря, внутренние условия выступают как причины (проблема саморазвития, самодвижения, движущие силы развития, источники развития находятся в самом процессе развития как его внутренние причины), а внешние причины выступают как условия, как обстоятельства» (Проблемы общей психологии. М., 1973, с. 290). Было бы уместней именно эту формулировку привести как воплощающую идею саморазвития.

Обсуждая проблему «тематических полей культурно-психологических исследований» (с. 411), автор справедливо обращает внимание на книгу М. Коула, но проходит мимо развернувшейся после выхода книги содержательной дискуссии на эту тему в Психологическом журнале по инициативе А.В. Брушлинского и несколько позже в статьях В.П. Зинченко в Вопросы психологии. Это не позволило М.С. Гусельцевой увидеть перекликаемость ее идей в этой области со взглядами ряда ведущих отечественных психологов. Представляется фрагментарной и дискуссионной оценка тех или иных исследований современной отечественной психологии с точки зрения реализации в них идеалов постнеклассической рациональности. Однако наработанные в диссертации инструменты и подходы открывают хорошие перспективы для развертывания широкого фронта работ в этом направлении в будущем.

Все сделанные замечания не являются существенными и ни в коей мере не ставят под вопрос достоверность и обоснованность результатов и выводов диссертационной работы и ее высокую научную ценность.

Название диссертации «Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания» полностью соответствует содержанию работы.

На основе всего вышесказанного можно сделать однозначный вывод, что диссертационная работа Марины Сергеевны Гусельцевой «Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания», представленная на соискание ученой степени доктора психологических наук по специальности 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии – представляет собой завершенное, самостоятельно выполненное исследование на весьма актуальную тему, и оно может быть квалифицировано как крупное научное достижение. Работа полностью отвечает требованиям и критериям, сформулированным в п. 9 Положения о присуждении ученых степеней (утвержденного Постановления Правительства РФ № 842 от 24 сентября 2013 г.). Автореферат диссертации адекватно отражает ее содержание, а все основные результаты полно изложены в публикациях (научных статьях и монографиях), отвечающих всем требованиям ВАК по количеству публикаций и уровню научных журналов.

Автор диссертации «Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания» – Марина Сергеевна Гусельцева – безусловно заслуживает присуждения искомой степени доктора психологических наук по специальности 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии.

Профессор кафедры психологии
образования и педагогики
факультета психологии
МГУ имени М.В. Ломоносова,
доктор психологических наук, профессор

С.Д. Смирнов

125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр.9,
факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
(495)629-58-34
kpp@psy.msu.ru